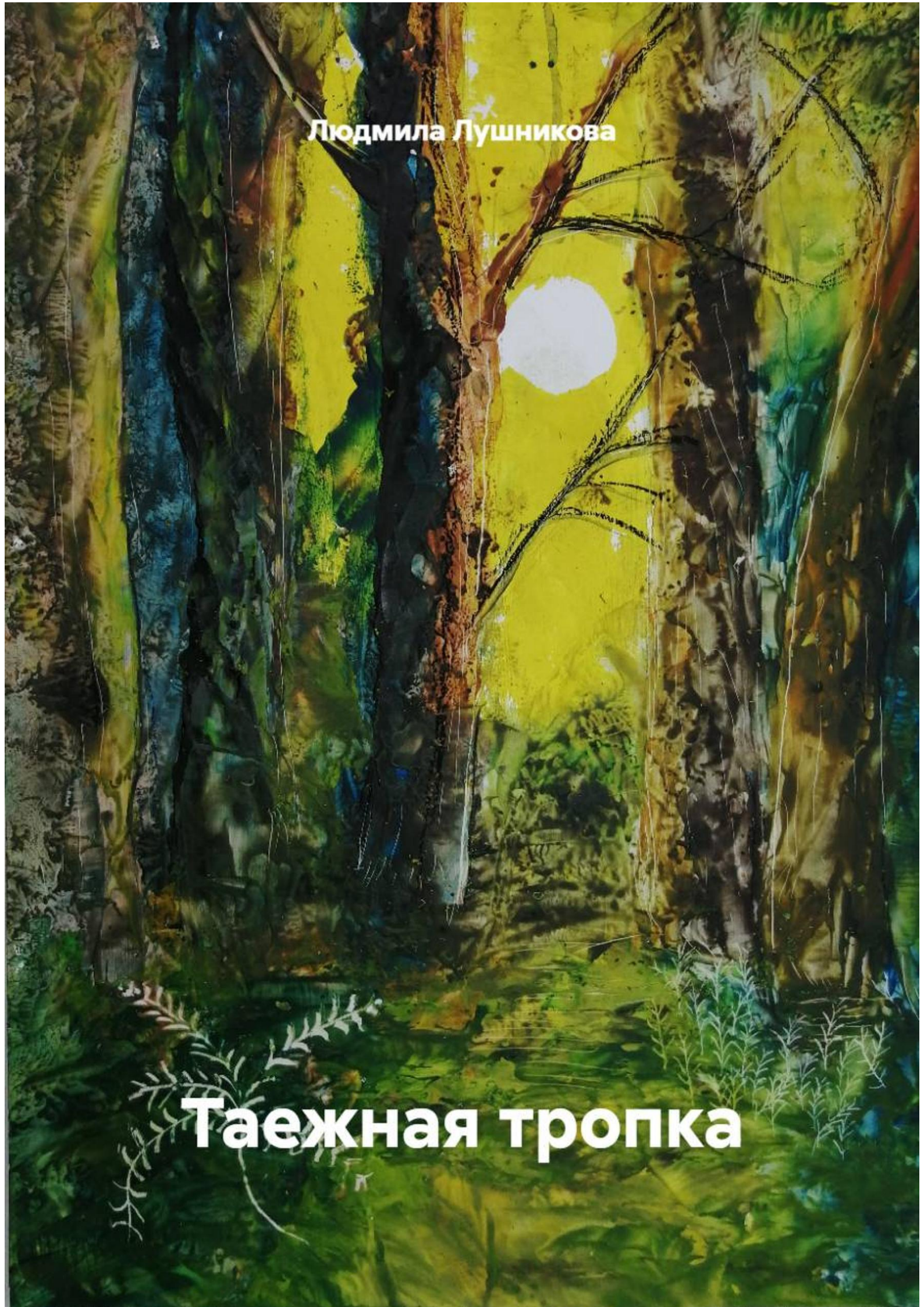




Людмила Лушникова

Таежная тропка

Людмила Лушникова

Таежная тропка

«Автор»

2026

Лушникова Л.

Таежная тропка / Л. Лушникова — «Автор», 2026

Придуманная история о настоящем месте и людях. Таежное детство.
Исчезнувший в тайге юноша. Вопросы, остающиеся без ответа. Но без
мистики скучно...

© Лушникова Л., 2026

© Автор, 2026

Людмила Лушникова

Таяжная тропка

Таяжная тропка.

Тайга окружает город со всех сторон. Зеленые холмы у горизонта становятся голубыми, иногда сливаются с линией соединения тверди и хляби. Линия горизонта, бегущая то вверх, то вниз, качает город, словно на волнах. Кажущаяся непроходимой тайга, на самом деле пронизана тропинками и наезженными дорожками. Дорогами не назовёшь, да и проехать не всегда получится – непогода, словно капризная владычица, проверяет колёсных путников на прочность и смелость. И удивляется безрассудству...

Ну а пешие всюду пройдут. Лишь бы нить тропки не потерять. А она теряется: в папоротниковых сырых ложбинах, на крутых пригорках ельников, темных пихтачах, спутанных малинниках, дрожащих от ветра и безветрия осинниках, торжественных березовых перелесках, и в буреломах, непроходимых и непролазных. И тогда возвращение – праздник чудесный.

Тайга манит и испытывает... Осторожных напугает, безрассудных больно щёлкнет по задранному носу, бездумных заставит задуматься, жадных ударит не только по карману, но и по лбу щелкнет. Очарованных проведёт там, где иные и не подумают идти. Очарованным – иные тропы.

– Хранители тайгу хранят от браконьеров? – Лельке было жарко на толстой перине, сон никак не мог победить егозу.

– Хранители всю землю хранят, – тихо говорил дед Ваня, укладываясь на своей узкой кровати.

В комнате пахло воском. Ежевечернюю молитву дед всегда творил в тишине, но едва он тушил свечу, было можно ещё поговорить.

– С врагами дерутся? У них ружья есть или мечи?

– Нет, они молятся за нас. И побеждают зло словом.

– Как в церкви в Белово? Я была там, меня бабушка возила. И я тоже молилась за добро! Лелька затихла, дед начал посапывать.

– Я и в тайге была, там людей мало. Как они могут весь мир сохранить? И в церкви мало. Как они со злом справятся, если их так мало?

– Много. По всей земле люди живут и молятся. На разных языках и разным богам держат службу о мире и добре. Думают, что разным, даже ссорятся, – чей Бог главнее. Но Бог один, и...

– А как он один справится?

– Бог – это люди, которые его познали и службу держат. Ими и мир стоит.

– А когда война? Это люди не справились? Забыли помолиться и все, война началась?

– Спи, егоза. Ночь уже.

– Нет, ты ответь! – как можно спать, если нет ответа на такой важный вопрос? Лелька поерзала под тяжелым одеялом, – деда, почему войны, если люди молятся за мир?

– Есть люди, которым война в радость...

– Надо их убить! И будет мир!

– Нет, так мир не наступит.

– Почему это? Если тех, кто хочет воевать, не будет?

– Останутся те, кто их убил. Значит те, кто хотел войны.

Лелька задумалась и не нашла что сказать деду, он воспользовался передышкой и засопел.

Леля очень долго не была дома. Да и как назвать приезд в гости, приездом домой. Хоть и к лучшей подруге. В их доме давно жили другие люди.

– Лелька, как я соскучилась. – Лека обняла замывшуюся у калитки подругу и потащила в дом – идём, идём. Картоха стынет.

– Да я перекусила...

– Ты что? Где ты перекусила? В ларьке, там отравы. Тут картошечка, котлетки, огурчики, грибочки....

– Ой, все. Прощай фигура. – засмеялась тонкая Лелька.

– Ну не одной же мне справненькой быть – захохотала Лека.

Лека осталась жить в городке, никуда не уезжала учиться. Когда Лека пошла в 9 класс, маме поставили диагноз – рак. Врач, от безысходности потерявший дар сочувствия, сказал, что жить ей осталось месяца два, повезёт, – полгода протянет. Мама прожила два года. Весёлая толстушка, легко подменявшая на фабрике загулявших напарников-мужчин, превратилась в жёлтую, немощную старушку. Отчим, как-то незаметно, исчез. Словно и не было его с ними никогда. Маруська, сестрёнка Леки, плакала, стыдилась предательства отца. Узнав, что он на соседней улице нашёл свою любовь, Маруська, сжав тощие кулачки, пригрозила:

– Сожгу.

Мама прижала её к себе слабой рукой:

– Успокойся, так надо значит.

– Кому надо? – злыми слезами капала Маруська, – ещё скажи – Богу твоему надо.

– Бог и мой, и твой. Скажу: нам надо – чтоб умнее впредь были. Зло от добра отличали и не множили...

Мама умерла, когда Лека сдавала последний экзамен. Лека, сдав экзамен, вышла из класса, победно улыбаясь и, словно, споткнулась о потупившихся одноклашек и заплаканную соседку тётю Раю, пришедшую с недоброй вестью.

Леку взяли на фабрику ученицей в мамину смену. Флотатор – профессия тяжёлая, и в ученики брали не всех. "Болеют тоже не все" – думала упрямо Лека, ворочая лопатой жижу из руды и реагентов. Маруську не отдали в детдом, – отец формально жил с ними. Показывался редко, его новая жена, стыдясь пересудов, пыталась помогать, но встретила такую ненависть Марушки, что и мимо пройти, не решалась. Так девчонки остались вдвоем в большом доме.

Лека, вдоволь прочувствовав рабочую судьбу, сказала Марушке:

– Ты поедешь учиться, потом легче будет. Сейчас терпи, помочь нам некому.

Маруська, повзрослевшая от горя, слушалась сестру во всем и старалась, как могла. Дом не квартира, только поворачивайся: дрова, уголь, огород, снег, засыпавший порой не только дверь, но и окна. После десятого Марья поступила в медучилище, в медицинский институт поступить сложно и девчонки решили, что окончить училище надежней, дальше – видно будет, потянут ли институт, а профессия уже будет.

– Лелька, какая ты красавица, и умница. Молодец, что приехала, я-то никак не соберусь к тебе. Да и как уедешь...

Лека вздохнула. Они сидели на веранде, в доме спали муж и сыновья Леки. Шумная компания прибыла из тайги – ездили на рыбалку. Да рыбалка и в таежных речушках бывает. Студеный омут, глубиной в полметра, а гольянов наловили полведра. И пожарить, и посолить.

– Не сыпь на больное. – забюбанилась гостья. – я не знаю, зачем приехала... Не могла не приехать.

– Лелька, молодая, здоровая, красавица. Ещё встретишь принца.

– Встретила. Никита в моем районе живёт.

Лека открыла рот и закрыла. Для надёжности прикрыла руками. Словно надо удержать слова особенно ненужные. Не удержала:

– Быть не может. Ты обозналась...

– Шрам на руке... Он не узнал меня, или сделал вид. – Лелька промолчала – Я тоже решила, что обозналась. Приглядывалась, следила, показаться боялась. Но увидела шрам... подошла, а он... не узнал. Ой, я же фоткала его. Сейчас покажу, фото в сумке, – достану. Сумка в доме, разбужу всех.

– Да их об пол бей – не проснуться, они после леса. Ладно, сейчас сумку принесу.

Лека сорвалась в дом, протопала босыми пятками по крашенным доскам, принесла сумку.

– Ох ты, Лелька, ну он. Не может быть! Не понимаю ничего. – Лека разглядывала цветное фото на маленьком экране нечастого еще тогда цифрового фотоаппарата.

– И я не понимаю, но хочу понять- тихо сказала Лелька, – Приехала сюда, чтоб понять.

– Так что делать то, ты знаешь? Слушай, а он фотографироваться не против был? А голос? Голос-то его? Мороз по шкурке. – Лека взлохматилась и без того торчащие кудряшки и уперлась круглыми глазами требовательно на Лельку, ежик-переросток.

– Я не знаю, что делать, голос его или очень похож. Сфотала незаметно, думаю, что незаметно. Ну, не знаю я что делать, – Лелька вздохнула – Я туда пойду.

– Ты чё, дура? Куда ты пойдёшь, сколько мы по свежим следам ходили и ничего. А сейчас, что ты хочешь там найти. Это тайга, да что я тебе говорю. Сама все знаешь.

– Лек, я то лето так часто вспоминаю, я даже писать стала, все по часам стараюсь разложить. Мне надо туда... ну не знаю, зачем. Мне кажется, я найду, что-то такое, что поможет понять, что тогда случилось.

– Лель, а может этого «Никиту» встряхнуть, прям, хочу с ним поговорить. – Лека решала проблемы быстро.

– Лек, сходишь со мной на Мохнатую?

– Одну тебя отправлю, – чуть не задыхнулась от возмущения Лека, – Конечно, пойду. Слушай, а давай, как тогда, – Шурик с нами был. Плохо – Маруськи нет.

– Давай весь город поднимем! Маруське сколько было, она, поди, не помнит ничего.

– Ну не младенец же, – Лека завела круглые глаза к веселым, неунывающим кудряшкам, – так, сколько – 9 лет. Да что считать, она на практике до конца июля.

– Я одна сходить могу, ты же знаешь, я не боюсь леса.

– Туда в одиночку даже охотники сейчас не ходят. Давай без шизы. Сходим, фабрика все равно стоит. И отгулов тьма. Слушай, это ж получается десять лет как...

– Девять лет, 11 месяцев, три недели.

– Точно, 29 июня. Тётя Тая в этот день булочки всегда пекла. Разносила помянуть Никиту, могилы то нет. Она только про Никиту и говорила. Я родила мальчишек, она пришла в роддом, гостинцев притащила, просила одного Никитой назвать...

– Ты не побоялась? Я думала, вы с Шуриком сами так решили.

– Да мы сами решили, ещё до родов. Николай и Никита, Николясик и Никитосик. – Лека заулыбалась, своими мальчишками, неразличимыми меж собой и очень похожими на неё, она гордилась, и не могла поверить, что с ней произошло такое счастье.

Лека и Шурик дружили с пятого класса. Шурик обгонял одноклашек в росте на голову, учился средне. По-настоящему ему было интересно в тайге, бродить по округе он не уставал. Никитос – друг и попутчик. Часто вылазки в тайгу сопровождали девчонки. Лека, представлена себе – мама работала часто в две смены, девчонок прокормить надо, на мужа, отца Маруськи, надежды мало. И Маруся, словно хвостик, всюду ходила за сестрой. Лелька, приехала к тайге со своим отцом и отпускать её в ближний лес с друзьями никто и не думал бояться. Да и тайгой окрестности города никто не считал. Два, три километра от городка – окраина. А как далеко укатили на своих, выдавших виды, велосипедах, кто уследит? Вот и натаптывали тропы по ближним лесам ватаги ребятни.

Лельку и Леку звали одинаково – Еленами. В классе оказалось пять девчушек с этим именем. Вот и появились Лека, Лелька, Леся, Елка и Лена, не принято было по фамилии обращаться.

Лека и Лелька дружили еще до школы. Лелькина бабушка жила рядом с родителями Леки, а родители Лельки, хоть и жили в квартире, но работали часто в одну смену, и она была частой гостьей у бабушки. Да и родители помогали вести хозяйство и ухаживать за домом. Тихая и добрая старушка становилась неуступчивой, едва речь заходила о том, чтобы переехать в квартиру: «Не сейчас, в следующий год, может». Бабушка умерла в 89 лет во сне. В тот же год, что и мама Леки. Соседка тетя Тая вслух сказала то, о чем думали все, кто знал историю Евдокии Васильевны: «Ну, Дуня, скоро с Ваней увидишься. Узнаешь, что случилось».

Дедушка Иван огромный, рассудительный, работающий к старости стал похож на ребенка, беспомощного, неуклюжего, словно только начинающего узнавать жизнь. Стал забывать простые вещи и удивляться очевидным. Всегда крепкое хозяйство требовало неустанных трудов, сил у бабушки на все не хватало: корова, поросята, кролики, куры и огород. На семейном совете решили отказаться от коровы и дед, лучший охотник в заготконторе, прошедший войну и заколовший не одну корову в своей жизни, неуклюже поднялся из-за стола и вышел на темную веранду. Лелька хотела выйти следом, но бабушка остановила ее:

- Сиди, – вышла следом, под села на старенький диванчик к деду.
- Вань, ну не плачь, мне ведь тоже ее жалко.
- Давай продадим, – всхлипнул дед тонким, незнакомым, каким-то задуманным голосом.
- Кто ее купит, Ваня, ей 17 лет. У нас и мясо-то не купят.

И дед заплакал, не сдерживаясь горько, отец выскочил курить на улицу, мама заметалась с пахучими сердечными каплями.

Осенью в стайке остались только куры.

– Дуся, там Иван упал. Пошли, подыдем, одной не справиться, – часто звал кто-нибудь из соседей.

Дед, виновато смотрел на жену, пытаясь выбраться из-под ставшего непослушным велосипеда:

- Я хотел в лесок съездить, Зорьки–то нет. Загуляла что ли.
 - Ох, темнешеньки. Ваня, нету Зорьки, уж давно нету. Продали ее в совхозное стадо...
- бабушка не напоминала деду правды, все равно скоро начнет искать корову заново.

А сейчас расстроится, конечно, но хоть плакать не будет. И велосипед надо разобрать – пока дед будет чинить, можно увидеть, что собирается и отвлечь, оставить дома. Бабушка научилась справляться с причудами деда, благо и причуд было не много: отвлечь от опустевшей стайки и занять по хозяйству, чтобы не собирался в тайгу. Дед находил много поводов собираться в лес: ягоды, грибы, колба, березовый сок, лекарственные травы... запутавшийся во времени, мог и зимой по грибы наладиться. Бабушка всегда была начеку. Но не уследила.

Дед Иван ушел теплой августовской ночью, накануне с бабушкой и Лелькой сходил в лес, набрали маслят. Утомленная бабушка не проснулась, не услышала, как дед, осторожно собрав в темноте одежду, вышел на освещенный луной и огромными, близкими звездами двор. Присел на лавочку, оделся, обул привычные кирзачи. Взял Лелькин мелок, (семилетняя Лелька неустанно играла в школу), и поверх исписанной стены низенького сарая, вывел: «Простите меня, не ищите». Хотел еще что-то написать, да старательная внучка исписала, изрисовала каждый сантиметр, только и осталась узенькая свободная полоска под невысоким карнизом. Положил мелок на место, повернулся к дому, поклонился, коснувшись рукой земли. Выпрямился по-военному и, развернувшись, неожиданно легкой походкой пошел вниз по улице, только идти можно в любую сторону – тайга кругом....

Бабушка утром всполошила всю улицу. А когда увидела, наконец, надпись, села на лавку и заплакала. Искали долго, прочесывали тайгу цепью и поодиночке: родня близкая и дальняя, добровольцы, бригада с работы отца, отряды с охотхозяйства, милиция.

Отец ходил в тайгу, пока снег не лег окончательно. И потом, много лет, искал. Тайга умеет хранить тайны.

Бабушка, растерявшаяся, долго не могла собраться с мыслями – ругала то себя, то деда. Искала причину его ухода и не могла найти.

Бабушка умерла в 89 лет во сне, сложив за день поленницу дров. В тот же год, что и мама Леки. Соседка тетя Тая вслух сказала то, о чем думали все, кто знал историю Евдокии Васильевны: «Ну, Дуня, скоро с Ваней увидишься. Узнаешь, что случилось».

В этот трудный год много всего случилось.словно одних экзаменов мало. После смерти мамы Леки не прошло и девять дней, как умерла баба Дуня. Лелька, растерянная, никак не могла собраться с мыслями – поступление казалось еще не скоро, но время, обычно идущее не быстро, вдруг понеслось вскачь. Время вдруг стало осязаемо – словно волны тумана – событие, туман, событие. словно в страшном фильме, только музыки не хватало тягуче предвещавшей ужас. Экзамены, поездки, предварительные курсы казались Лельке чем-то происходившим не с ней, поступление – отдаленным. Ещё в школе Лелька решила, что непременно выучится в институте и будет преподавать литературу. Будущее тогда казалось определенным, раз и навсегда. Но события этого лета, словно кривое зеркало, ясную и понятную картинку превратили в пугающую. Лелька не знала, что её так пугает в будущем, но чувствовала угрозу. Знать бы тогда, чего надо было опасаться, может и лето закончилось бы не так.

Лека знала свое будущее – устроилась ученицей через день после похорон. Шурик тоже пришел на фабрику, куда он без Леки поедет? Устроился разнорабочим, получит права – уйдет водителем на «Краз», заработки хорошие, работа легче, чем сейчас. И армию никто не отменял.

Никита подал документы в ДОСААФ, летное отделение. Ждал подтверждения. Занятия начнутся в сентябре. Отец Никиты погиб в шахте, когда ему было 12 лет. Никита был младшим сыном, старшая сестра, отличница, так рьяно взялась помогать овдовевшей матери его воспитывать, что скоро бесшабашный, смешливый паренек превратился в неуверенного молчуна. Но получив аттестат, вдруг проявил упрямство. Уехал поступать в одобренный матерью и сестрицей горный техникум, а вернувшись, объявил:

– Документы подал в ДОСААФ, буду пилотом вертолета.

Бурчание матери сменялось колкими насмешками сестры, и Никита больше всех из их компании ждал сентября.

У Лельки закончились курсы и экзамены, она увидела свою фамилию в списке поступивших. Вернувшись домой, чуть успокоенной, увидела коробки и узлы:

– Мы решили переехать, уже и работу нашли.

Разговор о переезде в семье заводился не однажды, но как оставить бабушку, сменить школу Лельке? И разговор оставался разговором. Бабушкин дом продали сразу и Лелька, понимая необходимость этого шага, жалела дом не как собственность, а как место где прошло её детство. Неожиданная продажа квартиры, вызвала в душе Лельки новый приступ страха и неуверенности в будущем. Лелька неприкаянно бродила меж коробок и вместо радости и предвкушения новой жизни, испытывала необъяснимый и непреодолимый страх. Переезд она вспоминала как дневную веселую суету и уверенную надежду на лучшее, и ночной липкий, неоодолимый страх неведомого. Интуиция стучалась легонько в висок, но угадать беду не получилось.

Кто предложил сходить с ночевкой на Мохнатую так и не вспомнили. Почему так далеко, не искупаться, да и дорог туда нет, тропки, велосипед помехой будет.

– Прощальный поход!! – встряхивая на плечах тяжелый, выдавший виды, отцовский рюкзак шел в гору Никита. До речушки Кубалды дорога была. Дальше, заветной полянки, тропка.

– Ура! – веселилась Лелька, – идем на Мохнатую!! Переночуем на макушке! – зажжем ночь веселухой!!! – а где-то на донышке сжавшегося сердечка свербила мысль: «Последний поход в тайгу».

Мохнатой называли гору к югу от Салаира, перед ней Малиновая, медвежий рай. Тайга, из городка казавшаяся торжественно замершими зелеными волнами, внутри оказывалась многоцветной и шумной. Грациозные саранки, блестящие нестерпимым, полированным золотом лютики, бисерные незабудки, пылающие свечи медвежьего ушка и печально поникший борец. Тайга внимала деловитым пересвистываниям и перещелкиваниям птиц, уставших от весеннего песенного разгула. Среди веселого разноцветия летнего цветения, словно искры вспыхивали крылышки сумасшедших от любви бабочек.

Старенькая палатка на случай дождика, котелок для картошки с тушенкой (простая еда любого туриста), канистра для воды (воду в Кубалде свежую наберем, таяжную воду и не кипятили никогда), теплая одежда (ночь в тайге мигом научит не забывать про теплую шапку и носки), топор (для костра не прутьи же собирать).

Самое необходимое – а рюкзаки не поднять. Зачем туристы идут в тайгу? В горы? Пересекают пустыни, реки, океаны? Увидеть новое, – новое лучше привычного, обыденного. Лелька думала часто о страсти к лесным походам. Казалось, разбуди среди ночи – предложи в тайгу пойти и она, сверкая пятками, побежит.

Рано весной отец начал собираться в лес. Вопреки сложившейся традиции, он позвал Лельку в лес. «За колбой?» Запрыгала неуёмная бродяга. «Нет. В тайге снега ещё по шею. Идем вход в подземелье смотреть. Надо знать, где живешь.» Они ушли совсем недалеко, но путешествие запомнилось. Прошли дома с романтическим названием «Семь ветров». Открытая поляна, с редким кустарником, летом одаривающая весь город клубникой. Снег еще не стаял, и идти пришлось по прошлогодней траве и снегу. Оттаявшая дорога так нещадно раскисла, что идти было невозможно.

«Слышишь?» – отец остановился.

Звенели птицы, дорога вдалеке, ветер. Казалось, звуки напоены весенним солнцем.

«Весна?» – попробовала угадать Лелька.

«Ага. Ручей.»

«Ручей?»

И, действительно, ручей. Поверх всех звуков звенел яростный и веселый, весенний ручей.

«Ага! Точно».

«Идем. Смотри и слушай».

Они пошли вдоль ручья. Ручей, мутный и бурный бежал вдоль дороги, по которой летом ездили машины и мотоциклы. Впрочем, после сильного дождя смелых ездоков не находилось.

«Слушай!»

Ручей уже не просто звенел, – ревел.

«Ого! А его нет! Куда он бежит?» – ручей, заворачиваясь в воронку, похожую на огромную змею, исчезал среди прошлогодней полыни и вздыбленной грязи. Почти рядом с дорогой.

Отец очень подробно рассказал, что такое карстовые пустоты, как образуются. Почему именно весной легко найти вход в пещеры, в которые можно провалиться летом бесследно. И почему нельзя ходить по тайге в одиночку. Дыра – по-простому называли эти входы в подзем-

ный мир. Пещеры, конечно же, есть. На 83 пикете, на Каменушке. Это всем известные пещеры, в которые можно спуститься. Общеизвестные и общедоступные. А есть тайные и недоступные.

А еще есть шурфы. Шурф – это рукотворные ямы, следы работы золотоискателей. Часто, очень глубокие и узкие. В любую сторону, куда не пойдешь, вокруг города, земля изрыта. Ямы глубокие и не очень, спуск крутой и пологий. Провалиться можно и в них. Часто туда сбрасывали мусор. Провалиться в такую яму было очень опасно.

Однажды Лельке с Лекой пришлось спасать провалившегося в заброшенный шурф Дружка. Девчонки собирали ягоду недалеко от родника. Собака, старая и лохматая, пряталась от яркого солнца в коротенькой тени редких кустиков бересклета.

Вдруг над тихой поляной взвился отчаянный визг. Подруги бросились искать страдальца. «Осторожно! Вдруг его змея укусила». Собака то затихала, то вновь принималась отчаянно плакать. «Вот он! Он провалился. И в колючей проволоке запутался». Кто-то бросил ненужный моток в яму. Выпутать, бившуюся в колючих петлях кудлатую собаку, девчонкам стоило больших трудов и покусанных пальцев. Дружок, конечно же, облизывал, извиняясь, руки спасительниц. Но удержаться не мог, прикусывал так, что синяки остались.

Мама, заметив, что отец стал приходить из лесу веселым – ну выпил, душа же болит, – батя пропал. Не стала устраивать скандалы, намекнула дочери:

– Папка в лес собирается, может, с ним пойдешь?

Повторять не надо, Лелька тут же выпросилась с отцом. А с дочкой не будет пить, – стыдно. Отец сначала пытался отделаться от попутчицы, возиться с девчонкой, суетиться не хотелось. Да и выпить хотелось. Но оставить дома дочку было не просто, и он смирился. Ружье в тайгу отец брал, но давно не приносил ничего кроме рябчиков. Зайцами брезговали – уж очень много клещей на тощих тушках. Глухарей жалко. Лосей и косуль отец не раз ловил в кадр фотоаппарата. И никогда не стрелял. Лелька, повзрослев, поняла – тоже жалел и восхищался красотой, грацией, способностью к выживанию в непростых условиях нашего края. И рябчиков стрелял потому, что их пресное, сухое, пахнувшее хвоей мясо ела привередливая дочка. Спустя годы Лелька удивилась, попробовав деликатес, как же она его могла любить?

По тайге бродили в стареньких ветровках, с рюкзаками высокий, смуглый мужик с ружьем и конопатая девчонка с фотоаппаратом. Фотография занятие увлекательное, но фото-ружье они так и не купили. Мечта не осуществилась. А фотографии, казалось такие чудесные, разглядывая через призму полученного опыта, оказались вполне заурядными. Дорогими только им, владельцам истории съемок.

И тогда, собираясь в тайгу, Лелька взяла фотоаппарат, не медлительно-рассудительный «ФЭД», а простенькую «Вилию-авто» и две пленки.

Автоматический режим съемок, такой редкий в те годы, был незаменим в условиях леса. Фотографии почти всегда получались мутными, но зато пойманные в кадр мгновения были не постановочными, и часто, действительно ускользающей, неуловимой красотой. Процесс проявления и печати продлевал бродячее, таежное счастье Лельки.

Но не эти две пленки.

Кто только не изучал их, сколько вопросов и ответов, простых и сложных. Пятьдесят фотографий беззаботных подростков, уверенных в счастливом будущем. Веселье просто выпирало из черно-белых оттисков, искрило, крыльями пролетавших бабочек и вездесущих комаров, пенных всплесков распустившейся пучки и грациозной живокости. Фотоаппарат кочевал из рук в руки и в кадр попали все туристы, казалось – тайн нет. Уверенные в вечной дружбе, счастливые подростки.

Суматошное утро сборов, быстро прошли окраину Салаира, перешли через фабрику, плотину и дорога потянула в гору. Предвкушение таежной свободы не давало покоя и выплескивалось шутками и ожиданием радости. Словно, отступало горе перед торжественно стоящей

перед ними тайгой. Меркло и не жгло юные сердца осознание смертности близких. Казалось, все беды остались в запыленном баритом городе. И не мешал крутой уклон и тяжелые рюкзаки идти вприпрыжку. Открытый склон сменился высоким, темным лесом. Словно кто-то пригласил пылающее в чистом небе солнце. Даже трава у едва накатанной дороги стала выше.

– Где-то тут поворот. Смотрим налево, не прозевать надо. – Лелька давно не была в этой стороне тайги и плохо помнила путь на заветную поляну.

– Не суетись, еще долго. Две гривы и мочажины, забыла? – Шурик в лесу не блудил никогда.

– Точно. Я подышать буду помнить, – хмыкнул Никита.

История была старая. Мальчишки решили разведать тропку до таяжной реки Аламбай. Далеко, спору нет. Но там кедры с вожделенными орехами и хариус. Как бить шишки и ловить хариуса знали только из рассказов старших. Спиннинг – мечта. На сборы час. Отпроситься на ночь. В итоге семеро смелых: Шурик, Никита, Серега, Санек, Дюша и неотличимые друг от друга, как близнецы, братья-погодки Димка и Денис. Поехали! Главное добраться до старого тракта, там не только на велосипеде, там и на легковой ехать можно. Куда вела дорога, кто её строил – никто из мальчишек не знал. Проще было добраться через Осиповку, но кто-то рассказал новую тропку, мол, короче будет. Разведка так разведка! Плутали долго, истаяла, сошла на нет тонкая, еле заметная тропинка. Проезжая через крапивную поляну вдруг исчез Денис. Димка, ехавший следом, встал как вкопанный:

– Динька! Ты где?

– Вот он я, – голова ошалевшего Дениса закрутилась на уровне земли – ребята, я в яму упал!

– Да видим, что не на небо улетел. – мальчишки собирались около ямы. Денис карабкался из ямы, Димка и Серега волокли велосипед.

– Это подполье. Тут дом стоял. И не один, вон еще яма и бревна. – Шурик вынырнул из высокой травы. Буйный кипрей еще доцветал, догорал розовыми кистями и щедро выпускал пух.

– Восьмерка. – Димка вздохнул, глядя на выдавший виды велосипед брата.

– Да ладно, выправим, – махнул рукой беспшабашный Дениска. – Пацаны, так если дом был, может, клад поищем?

– Ага, закопали тут для тебя, – Дюша не верил в такую удачу. Хотя легенды о богачах, прятавших намытое золото, бродили по городку. И не только среди доверчивой ребятни, взрослые редко проходили мимо брошенных домишек, ворошили. Шурик остудил надежду на легкое богатство:

– Тут кто только не рылся, года два назад с металлоискателем мужики какие-то шастали.

– Нашли?! – восхищенно завистливо вздохнули братья.

– Так ты был уже тут. Дорога-то есть, получается, – Никита всегда был самым прагматичным.

– Я чё, дурак дебильный? Они с металлоискателем, ружьями. И я вот он: дяденьки чего нашли, покажите? Ноги в руки и драпанул, пока не заметили.

– Получается, дальше не знаем куда идти. – Никита не отвлекался на пустячные надежды.

– Да... Хоть бы намек на тропинку. Похоже, эта только досюда. Дальше то куда?

– Назад идти? Вечер скоро, – ночевать на месте брошенного жилья не хотелось никому. Вслух никто не сказал этого – кто ж добровольно признается, что страх морозными пальчиками стучал по спине: жилье брошенное, может и могилы, брошенные рядом, да и мало ли чего.... Нет, мальчишки не суеверные бабки, в муть всякую не верят. Но ночь в этом месте... Решили – найти полянку посуше, повеселее, и чтоб дерево было удобное.

– Ребзя! Тут, вроде, тропинка есть. Пошли? Может, еще дойдем до Аламбая? – пока все топтались у ям и бревен, оставшихся на месте домиков таежных жильцов, быстроногий Дюшка нашел едва заметную дорожку.

– Ну, точно – люди ходили. – сделал заключение Шурик. – Идем.

– Не понял. Ты чё, индеец? По запаху узнал? Почему люди? Отпечатков ног нет. – обескураженно спросил Дюша.

– Звери не так тропы делают. Сверху ветки не ломанные, башку нагнул и прошел мишка.

– Мишка? В смысле «мишка», все, я боюсь. Дальше одни идите. – жеманно тоненьким голоском Санька изобразил девчонку.

Медведи в тайге конечно были. Боятся медведей, могли только девчонки, верили мальчишки. Они вели-волокли велосипеды по едва заметной тропинке в буреломе, чутко прислушиваясь к таежным шорохам. Следы на тропке вроде и есть, но не различимые: то ли человек, то ли медведь, а может и вовсе лось. Скоро дорожка стала проторенной.

Вечереет в тайге стремительно, и Шурик скомандовал: «Привал». Костерок, запас дров, навес из захваченного целлофана – стемнело. Сели у костерка, Шурик отошел в сторону, полез на березу – надо посмотреть в какой стороне свет, Салаир еще не скупился на фонари ночью. Увидел засветку над городом у горизонта – километров десять прошли. Определились, в какую сторону идти домой, сделали зарубку и сели между навесом и костерком – ночью в тайге и летом не жарко. Зашуршали нехитрыми запасами – хлеб, сало, огурцы. Истории у костра сначала веселые, потом таинственные и чем темнее, тем страшнее истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.